
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

НОВЫЕ СТИХИ

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Белоруссии, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих международных литературных премий, в т. ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, «Левша» им. Н. Лескова, им. В. Пикуля (все — Россия), им. Н. Гоголя «Триумф» (Украина) и др. Действительный член Академии российской литературы, член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств, академик Международной литературно-художественной академии (Украина). Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почетный член Союза писателей Белоруссии и Союза русскоязычных писателей Болгарии. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

* * *

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
Из холодных квартир,
Где под примус скворчала картошка,
Где за стенкою жил отставной конвоир,
Все приученный слушать сторожко.
Где динамик хрипел от темна до темна
И нигде его не выключали —
Вдруг внезапно объявят, что снова война
И по радио выступит Сталин?..
Этот круглый динамик меня одарил
Знаьем опер, столиц и героев.
Душу «Валенки» грели,

«Орленок» парил,
И танкистов-друзей было трое...
А Утесов хрипел нам про шар голубой,
Но мы знали — объявят тревогу,
И пойдем «на последний, решительный бой»,
Так что, «смело, товарищи, в ногу...»
А теперь ни динамиков нет, ни святынь...
И давно нет в быту керосина.
Телевизор посмотришь: «Нечистая, сгинь...»,
Где был дух, там одна Хиросима.
Слышу старых друзей голоса из-под плит —
Им так больно, что мир разворован!
И отрада одна — белый аист летит
Все же выше, чем каркает ворон...

* * *

Воды остыли, раскисли дороги.
Скоро, наверное, Праведный Суд.
Люди боятся — гневливые боги
Что еще страшного им принесут?

Болью и ложью истерзанный весь я,
Мучусь иным у грядущих Голгоф —
Что вознесется со мной в поднебесье,
Чем испугаю усталых богов?..

* * *

Когда подступает обид череда,
И мир покидают хорошие люди,
Я в миг роковой вспоминаю всегда,
Что лучше не будет...

И в небе напрасную птицу слежу,
И взгляд мне звезда обжигает всевластно.
Но я все о том же твержу и сужу —
Мол, все не напрасно...

Никем не отменится час роковой...
И слепо бредя по пузырячатой луже,
Шепчу еле слышно: «Гордись, что живой...
Бывает и хуже...»

Пусть целит судьба, чтоб ударить под дых,
И звезды тускнеют в неоновом свете,
Пусть ветер свистит в колокольнях пустых,
Он все-таки ветер...

* * *

Узколица тень все металась по стареньким сходням,
И мерцал виновато давно догоревший костер...
А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,
К безразличному небу худые ладони простер.

И чего он хотел?.. Лишь ступней необутой примятый,
Побуревший листочек все рвался лететь в никуда.
И ржавела трава... И клубился туман возле хаты...
Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.

Затаилась луна... И ползла из косматого мрака
Золоченая нежить, чтоб снова ползти в никуда...
Вдалеке завывала простуженным басом собака,
Да надрывно гудели о чем-то своем провода.

Так отца рука упиралась в ночные просторы,
Словно отодвигая подальше грядущую жуть,
Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,
Чтоб во тьме растворяясь, молитвенных слов не спугнуть...

И отец в небесах...
И нет счета все новым потерям.
И увядший букетик похож на взъерошенный ил...
Но о чем он молился в ночи, если в Бога не верил?..
Он тогда промолчал... Ну а я ничего не спросил...

* * *

Свеча горела...
Борис Пастернак

Дрожат небесные лучи
Меж тонких веток.
Судьбу с реальностью сличи —
И так, и этак...

Мерцает тихо вновь и вновь
Средь снегопада
Свеча-судьба, свеча-любовь,
Свеча-отрада.

И невозможно оторвать
Свой взор усталый,
Следя — струится благодать
Над снегом талым.

Все бренно... Ниточка слаба,
Но для мгновенья
Свеча-печаль, свеча-судьба,
Свеча-прозренье.

Куда ни глянь, чего ни тронь —
В любовном стоне
Пусть тонет женская ладонь
В мужской ладони.

И пусть не меркнут в толще лет,
Средь лжи и смрада,
Свеча-закат, свеча-рассвет,
Свеча-отрада...

* * *

Шепоткам назло, глазам колочим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времен,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рожден родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

* * *

Догорала заря...Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, *милай?*.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг...Чертыхаясь — несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда, где красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь все вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.

Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —
Подрстет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
— Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несусь...

* * *

«А я любил советскую страну...»
Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране, исчезнувшей!.. Однако
Ее люблю, не глядя на ГУЛАГ
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчетливей видна,
Там дух иной и истинность — иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролет,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про «Валенки» поет
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград еще не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад —
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
«Столица нашей Родины — Москва...»
Я там же... Не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас — салют...
Во славу той страны, которой нету.

* * *

«...что русский исход тяжелей, чем еврейский исход...»

Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и безветренном поле,
Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход.
И аист кружил... Он в полете не думал о воле —
Не думает вовсе о воле свободный народ!..

И что-то мешало идти и не думать о брэнном,
И что-то велело укрыться в свое забытьё.
А это Россия торопко струилась по венам,
В висках выбивая росистое имя свое.

И что-то гудело в далекой, не хоженной чаще,
Да так, что казалось — вот-вот и уже бурелом...
Но аист летящий, но аист о чем-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.

И вроде светлело... Все больше являлось народу —
Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.
И вброд перешли они стылую черную воду,
Что в скользких обломках несла очертанья держав.

И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело.
И плечи не гнулись под вечное: «Мать-перемать...»
А тело болело... Да в венах Россия гудела,
И в тромб собиралась, готовая сердце взорвать...

* * *

Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы,
Не идет разговор... И не пьется... И мысли не в лад.
Все ответы даны... Остаются все те же вопросы:
«Что же делать теперь?..» И, конечно же: «Кто виноват?»

Да, характер таков у смурного от жизни народа,
Все: «Авось, перебежмся... Авось, доживем до поры...»
Будут мед добывать, а себе не останется меда,
Воздвигают палаты, а хаты кривы и стары.

Угорая в чаду, что дарит позабытая вьюшка,
Все бояться чего-то и вечен тот давящий страх.
Но наутро из хаты — чуть свет! — выбегает девчушка,
И сама, как росинка, и солнце несет в волосах.

И ее узнают и деревья, и рыбы, и птахи,
И листок золоченый все тщится в ладошку слететь...
Крикнет: «Папа, гляди!..» И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.

Засочится смола вдоль недавно ошкуренных бревен,
Мужики пожалеют, что вечером слабо пилося...
— Кто виновен? — спроси. И ответят: «Никто не виновен...»
— А что делать-то нужно? — Так выживем, людцы... Авось...»

* * *

Время метаний... Основа основ.
Пусто и голо.
Вроде Микола стоит Лупсяков...
Як ты, Микола?

Переступлю через снежный сугроб,
Прошлое — рядом.
Толя Гречаников руку пожмет:
«Што з перакладам?..»

От недовольных супружниц тайком,
Ближе к вечерне,
С Мишей Стрельцовым пойдем с коньяком
К Хведару Черне.

Гришка Евсеев, Володя Марук:
«Вып'ем і годзе...»
По корректуре размашисто: **«Ў друк!»** —
Павлов Володя.

Небо нахмурилось, тени струя.
Стежечка в жите.
Где вы?.. В какие уплыли края?
Хлопцы, гукніце!..

А с поднебесья: «Ушедших — не тронь!..» —
Грозно и строго.
Толькі валошка казыча далонь...
Цемна... Нікога...

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Позднее светает... Уносят тепло
Смущенные аисты.
Пока что не осень, но время пришло
Прощания с августом.

Молоденькой прелью пропахший овраг
Грустит в одиночестве.
Приходит к нему только Ванька-дурак...
Растрепан... Без отчества...

Чадит костерок.
— Подходи, посидим —

Вот здесь, под березою...
Но Ванька питается духом грибным
И дымкою розовой.

— Эй, Ванька, чего это в душах свербит,
Вот елки зеленые!
Он лишь отмахнется и что-то бубнит
Свое, забубенное.

О чем ни спроси, Ванька врать не мастак:
«Не знаю... Не ведаю...»
Прощается с августом Ванька-дурак,
А мы тут с беседою.

Тридцатое августа... Голос далек.
Редет дубравушка.
А истину знают лишь ванькин киек
Да вдовый журавушка.

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск, Воронежская область)

Русский поэт. Наш многолетний автор. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова. Член Союза писателей России с 1994 года.

* * *

Поэт не пишет
под чего изволите.
Ему плевать
на вкусы и мерила.
В ряду калашном
рыл самодовольных
Он, к чести,
завсегда — чужое рыло.
Куда он с ним суконным —
ведь не Пушкин...
Но он его
не мазал по кормушкам.
Есть у него свой ряд.
Своя дорога.
И Муза, что нема
без гласа Бога.

* * *

Для русского
Дороже дорогого
И Соловки,
И поле Куликово.
Там моря плеск,
А здесь равнины гуд.
Они, соединясь,
В душе живут
Тем подвигом
Монашеским и ратным,
Что не дает
Страну
Повергнуть в прах.

* * *

В полях заснеженных калужских
Я службу нес под звездной стужей.
И до утра — связист полка —
Продрог — не скажешь, что слегка.
Потом был день. Простор слепящий.
Вдали лесные стлы чащи.
Гремели «МиГи» в вышине.
Я шел по снежной целине.
Хрипел, как лось, от той ходьбы
По воле Бога и судьбы...

* * *

Не попал под бревно, под цистерну,
Что свалились по душу мою,
Но зато угодил под систему,
Где вольготно жулью и ворью.
Распустились сыны беззакония...
Государство трещит по швам,
Казнокрад со свечой к иконе,
Словно в офис, проходит в храм...

* * *

Новорусские на Майами,
Ваших предков пороли дворяне,
А теперь вы с деньгой — хоть куда,
Скороспелые господа.

А всего-то — рвачи по натуре,
И резвитесь сегодня по дури,
Научились у Родины красть,
Глупо предав Советскую власть.

Наслаждайтесь — «гребцы» гедонизма.
Бьют в лицо океанские брызги.
Пляж золотой. Голубой океан.
Челядь, падкая на шарман...

* * *

Словно с тихой лесной опушки,
Мне кукуют издалека
Станционные сестры — кукушки
Повоенного городка.
Где протезом скрипит калека —
Городской фронтовой инвалид.
В переулке — трофейная «эмка».
И на площади Сталин стоит.
Я ломал дорогие игрушки.
Все хотелось узнать, что внутри.

Паровозные слышу кукушки.
Привокзальные вижу дворы.
Годы мчатся, не зная дороги.
Чем туманнее путь, тем верней...
Воздух детства, как воздух эпохи
Благородных советских корней...

* * *

На Героев наложили вето —
Летчиков, танкистов, моряков.
Места не хватило для портретов
Прихоперья славных земляков.
Шум и гам от праздных ротозеев,
От разлива зрелищной бурды...
Выгнали Героев из музея.
Это худо. Это Знак беды.

ЯНВАРЬ — 2018

В канун Рождества
        снег потаял везде.
И скоро ль
        метели придут.
Река, словно в трансе —
По зимней воде
Сиротские льдины плывут.
И больно смотреть
На такой ледоход
Туда, где рождественским днем
Под солнцем искрится
Серебряный лед
И прорубь дымится на нем...

* * *

Жизнь порою — такая отравка.
Но постой,
        вот маэстро придет.
Все, что было
        мертво и коряво,
У него зазвучит, запоет,
Хоть на миг,
        словно майские вишни,
Перекроют собой
        «львиный ров».
Если ноты
        расставит Всевышний
На пюпитры
        засохших стволов...

* * *

Слышу музыки льющийся свет
По мотивам прожитых лет.
Дальний крик позабытых ночей;
Отблеск в окнах закатных лучей;
Череда облаков в синеве;
Первый снег на опавшей листве;
Пара женских чудесных колен
Вне застоя и перемен...

* * *

Направо Ост, налево Вест
От лесополосы.
Есть на груди нательный крест
И на руке — часы.
Норд впереди, Зюйд позади
Вдоль лесополосы.
Есть крест нательный на груди
И на руке часы.
Я шел. Иду. Готов идти
До смертной полосы.
Есть крест нательный на груди
И на руке часы.

* * *

И меди, и золота в кронах
Все меньше — грусти не грусти.
Готовится тихо природа
Свои испытанья пройти.
Над садом, над рощей за лугом
Такая стоит тишина,
Что спать припоздавшая муха
Звенит, словно в мире одна...

НА РЫБАЛКЕ

Осень. Речка. Не клюет.
Листьями шурша,
Подшел бездомный кот —
Горькая душа.
Жаль, что лето позади.
Может, повезет,
Может, клонет. Подожди
Хоть немного, кот.
Поплавок пошел, пошел!
И плотвичка — есть!
Ну и славно, хорошо,
Коли есть, что есть.
Можно съесть и две, и пять...

Николай Еремин
(г. Красноярск)

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Еремин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 г. Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах.

ВЕРА

*«Не верь, не верь поэту, дева,
Его своим ты не зови»*

Федор Тютчев

Поверь, поверь поэту, дева,
Меня
Своим ты назови!

Не надо нам
В объятьях неба
Страшиться праведной любви...

И пусть помогут нам скорей
Ямб,
Амфибрахий и хорей,

Священной страсти не тая...
О,
Муза милая моя!

ГРУЗИЯ

Вино любви
И прегрешения...
Спасибо,
Солнечная Грузия,
За эту сладость предвкушения
И эту горечь послевкуся...
Которые
Всю жизнь со мной

В стране —
Увы, совсем иной...

СУПЕРЛУНИЕ

Е. А. М.

Месяц в обнимку с луной молодой
Ходит по небу нетвердой походкой...
Так же по морю ходили с тобой
Мы — нет, летели — над морем и лодкой...
Два суперангела — суперлуны
Супермерцанием освещены...
Я - чуть живой, да и ты — чуть жива...
В пене морской — облаков кружева...
Как наяву — сон-не сон, верь-не верь,
Было ли, нет ли — неважно теперь...

КАМНИ

Ах, до сих пор я забыть не могу...
А ведь давно позабыть бы пора мне,
Как
Для тебя
На морском берегу
Я собирал драгоценные камни...

Как
Подарил...
Чтобы ты — ну и ну! —
Бросила их в штормовую волну...

* * *

Куда ни глянь, повсюду —
И молнии, и гром...
И в очередь иуды
Целуются с Христом...

И все ж, открытый чуду,
Всем грешникам под стать,
Я грешного Иуду
Не стану целовать...

* * *

— И почему
На просторах прогресса
Я не имею, как все, мерседеса?
И не умею водить мерседес? —
Не отвечают
Ни Бог и ни Бес...

ФОРТЕПИАННАЯ ПЕСЕНКА

— Ты — диез, а я — бемоль...
Поиграть со мной изволь! —

Ты мне это говоришь —
А в душе такая тишь...

Нет, напрасно ты шалишь,
Как компьютерная мышь...

Что нам — воли алкоголь?
Вот в чем сахар и в чем соль:

Ты — бемоль, а я — бекар...
Для игры я очень стар...

Все, что было — все всерьез,
До корней седых волос...

Я — бекар, а ты — бемоль,
От игры меня уволь...

Ты — не ты... а я — не я...
Воля вольная моя...

* * *

Продолжительность жизни равна
Свету мысли
И скорости света...

И, конечно, не наша вина,
Что мы все
Забываем про это...

А когда вспоминаем —
Уже
Света нет ни вокруг, ни в душе...

* * *

Что было, сплыло и промчалось мимо,
Так сердцу мило
И неповторимо,

Что хочется заплакать, вспоминая...
Поскольку жизнь в душе
Уже иная...

* * *

Все чаще говорят в твоём доме,
Что ты, поэт,
Не нужен никому...

Уходят говорящие
В тюрьму,
Стихов не зная,

Все —
По одному...
Права нарушив тех,
Кто их судил:

Судья — макроцефал,
Судья — дебил...
Решетка и замок...

Ни там, ни тут
Стихов твоих свободных
Не прочтут...

Гордись, поэт!
В любые времена
Поэзия лишь избранным нужна...

И все ж — читай,
Не выбирая, вслух,
Всем, у кого рассудок не потух...

Кто жив ещё...
И не покинул дом...
И может понимать, хоть и с трудом...

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Родилась и живет в городе Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает в Тульском государственном университете на кафедре «Информационная безопасность». Стихотворения пишет с детства. Написано около четырехсот стихотворений пейзажной, любовной, философской, гражданской и духовной тематики. Автор трех сборников стихотворений и прозы. Подготовлены и находятся в издании еще два сборника стихотворений. Также пишет в жанре крупной поэзии — написана «Поэма о дожде». Увлекается написанием венков сонетов. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания». Имеет публикации стихотворений в журналах и альманахах Тулы, Твери, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Победитель различных конкурсов стихотворений. Член Союза писателей России.

* * *

Взрыв! —
Когда тебя — и больше — нет...
Что скажет Родина в ответ
На то, что не был спет куплет
О самом главном —
О том, что будет,
Было бы?..
...Вот так — в предчувствии беды —
Непререкаемы мольбы
Любимой мамы...

Взрыв!
А может, это летний гром?
А может, ангелы кругом
Не потому, что нет «потом»,
А потому что
Тебя и Родину спасут,
И состоится сразу — тут —
Нет, не земной — небесный суд
Над малодушьем.

Взрыв!
Сирены голос — голос дня.
Как можно чью-то жизнь отнять?
Как страшно видеть, что война
Нужна кому-то,
Как дочь любимая, почти,
И гневно Родина кричит,
И скорбно Родина молчит
Всего — минуту.

Взрыв!
И снова море разлилось
Из слез и черных
четных роз,
Но стихнут отзвуки угроз,
И злость,
и ярость...
Но... нет — тебя,
Нет нужных слов,
И только юная любовь
И только чистая любовь
Твоя — осталась.

Взрыв!..

* * *

Палисад, где пионы цветут, —
И какая-то робкая тайна,
И какая-то мистика тут,
О которых забыть — не реально.

И какая-то тихая здесь
Невесомая грусть пустоцвета,
И так хочется рядом присесть
Возле тайны — неузнанной — этой,

И так хочется медленно ждать,
Может, тайна откроется

или

Засверкают в иголках ежа
Прошлогодние искорки пыли.

Или кто-то придет —
А в руке —
Тот же запах и время — все то же,
Только время не будет никем
В руки поймано — так
невозможно.

Уходя, ничего не сорви,

Отпусти приглянувшийся ветер.
...А сухие бороздки земли —
Как морщинки лица на портрете.

* * *

Мне кажется, все тот же соловей,
Все тот же куст сирени у балкона.
И только небо — малость — помрачней,
И небу я, как будто, незнакома.

Над каждой крышей — небо,
но свое,
Оно дословно помнит, как когда-то
Здесь пела я, и с первым соловьем
Пел он,
теперь
ушедший
Безвозвратно.

Спустись поближе,
Небо, рассмотри,
А, впрочем, нет, — совсем не ради скуки —
Я поднимусь к тебе, на раз,
два,
три —
Взобравшись к старой яблоне на руки,

Всмотрись в глаза,
Они — почти что, те, —
В них прочесть — безгорестных — несложно,
Что я иду счастливой по судьбе,
И на него — поэтому — похожа.

Изобразю руками тайный знак,
И сразу станет с прошлым больше сходства,
Спрошу у неба: «Помнишь?
А вот так?»
И небо мне, как в детстве, улыбнется.

* * *

Березовая розовая грусть,
Румяный лес под облаком заката.
Я вспоминать нечаянно возьмусь
Клочок земли в мелиссовых заплатах,

Густой чертополоший перегуд,
Тебя, мой друг, ушедшего вдоль неба,
Туда, где от забвенья берегут
Ветра, чья песня — лучшая — не спета,

И сонное дыхание лугов,
Которых я касалась головою,
И эта бесконечная любовь,
До сей поры не ставшая былою.

Березовый летящий солнце-клевш...
Ищи меня, пропавшую бесследно,
Пока своим терпеньем не вернешь
В то — и теперь не пройденное лето,

В ту на двоих отмеренную жизнь,
В те — только нами видимые дали,
Пока мы не поймем, как дорожим,
Тем, что для нас ветра наворковали,

Пока не станет все, как было там, —
Я по дорогам прошлого вернусь и
Мы не разделим больше пополам
Ни тайн берез,
ни их звенящий грусти.

Ахмет Ваулин

(г. Прокопьевск, Кемеровская область)

Родился в 1992 году в Кемеровской области. Публиковался в журналах: «Союз писателей» (Новокузнецк), «Современная литература России», «Российская литература», в приложении к журналу «Огни над Бией», в литературных альманахах «Спутник», «Форма слова», «Новый Енисейский литератор», «Сияние лиры», «Российский колокол», в конкурсных сборниках «На Енисейской волне — 2016», «Восторг души — 2017» .

ЗАЧЕМ ШУМИШЬ, ВОЛНА МОРСКАЯ...

Зачем шумишь, волна морская?
Куда зовешь, манишь меня?
Смотрю я, думы оставляя,
Как над тобой цветет заря.
Я думы тяжки в бездну кинул,
В пучину, в грохот бурных вод.
Фуражку лихо я надвинул,
Как настоящий мореход.
И грезы тихо подступают,
В недолгий сон введя слегка,
Тревожат ум и исчезают,
Как в летний полдень облака.
Полощет брег земли далекой
Неутомимая волна,
Где за туманной паволокой
Таится дивная страна.
Меня бы птицы там встречали,
Лаская песнею мечты,
И стаи бабочек порхали
Необычайной красоты.

ТЕРЗАЮТ ВОЛНЫ БРЕГ ДАЛЕКИЙ...

Терзают волны брег далекий
В порывах ветряной игры,
И океан таит глубокий
От нас незримые миры,

Где чудных рыб блистают краски,
Животных дивных где толпа
Там обитает без опаски
У исполинского столпа,
Сверкает что огнем рубина —
Сплетенье яркое ветвей.
Его коралл — горы вершина,
Иначе — остров среди морей.
Живые звезды многоцветны,
Лучисты на прибрежном дне,
А чудища, что не заметны
Таятся где-то в глубине.
Киты громадные проходят
Как темны тучи в небесах.
И кто ж еще незримо бродит
В морских загадочных лесах?

Константин Струков *
(г. Тула)

* * *

Идет война, без правил, без законов,
Как будто снова сорок первый год.
И минометов грозные аккорды
Играют беспорядочно, без нот.
Стреляют «Грады» по жилым кварталам,
И снова разрушение и смерть.
От этой бойни все давно устали,
Но вновь снарядов неумный смерч.
Вражда всех захлестнула, как цунами.
Там что, АТО, террор? Все это бред!
Война, не только там, а рядом с нами,
И в наших душах оставляет след.
Мы молимся за упокой погибших,
За стойкость взрослых и за смех детей.
А на войне обрушенные крыши
И жалкие руины вместо стен.

И гибнут, гибнут женщины и дети,
Их счет уже за тысячи.
Война
Безостановочно идет
На чьи-то деньги,
Без правил. Но кому нужна она?
Нужна за океанским заправилам,
Там сеют ложь в той дьявольской игре,
Где ставкой оказалась Украина,
Где гром артиллерийских батарей...

Идет война, без правил, без законов,
Вот гром орудий на мгновение стих...
Там, где прошла зачистка, слышны стоны
Случайно оказавшихся в живых...

---

* Наш постоянный автор.

* * *

Нет, не понять мне этих русских новых,
Чьи офисы растут, как в поле лопухи.
Они за доллары предать своих готовы,
Чтоб после в храме умалять грехи.

Нет, не понять мне лоска показного,
Их отпрысков в богатых казино,
Когда они с улыбкой Казановы
Швыряют тыщи и сосут вино.

А перед входом в офис грязный нищий
Сидит, култышку завернув в тряпье.
Он в этом обществе изгой, он лишний,
И от отчаяния беспробудно пьет.

И как сумели эти воротилы
Надуть страну — понять я не берусь.
Им все дала судьба, других же обделила
И стала нищей праведная Русь.

* * *

Памяти В. Степанова

Последние дни уходящего года,
И листья последние календаря.
В последнем аккорде последняя нота,
Последние хлопоты декабря.
И слово меня роковое преследует:
«Последнее».
Знаю, за что ни возьмусь,
Все будет последним,
последним,
последним,
Последними будут и радость, и грусть.
Прощаемся с годом,
грустим, вспоминаем
И знаем, утерянное не вернуть.
Теряем друзей. Их нет уже с нами.
Теряем, и дальше неясен наш путь.
Теряем. Сквозь пальцы капаят годы,
Сквозь пальцы
просачиваются в небытие.
И в зимнюю ночь, в разгул непогоды
Теряем мы что-то родное, свое.

И вот, год закончился. Без сожаленья
Приемлю, встречаю новую явь.
Но может быть год этот
станет последним ...

Сквозь слезы
меня с новым годом поздравь!

* * *

*...И остави нам долги наши,
якоже и мы оставляем
должникам нашим.*
Из молитвы.

Не привык жить в долг, не хочу.
Как долги наши тянутся долго!
Пусть уж лучше поставлю свечу,
Чтоб нигде не осталось долгов.

Не беру в долг ни злобу, ни страх,
А заклятую месть — тем паче.
Моя плата в словах и делах,
Я плачу — и не требую сдачи.

Но уйти от долгов не могу,
Их, незваных, наверно, не мало.
Знаю, что в неоплатном долгу
Пред отцом своим, перед мамой...

И отстукивают часы,
Что запущены свыше, и словно
Он, Всевышний, кладет на весы
Боль души в каждом деле и слове

И поступков изменчивый ход,
Тяжесть дня и бессонницу ночи
И грехов титанический гнет,
И весомость сегодняшних строчек.

* * *

Несостоявшийся поэт,
Несостоявшийся ученый.
Остались мне на склоне лет
Лишь лейтенантские погоны.

Не удалось мне быть отцом,
И мужем стал я нерадивым.
Не удалось построить дом,
И дерева не посадил я.

Пришла весна — и в яркий день
Сирени веточку сорвать бы.
Но нет.

Поломана сирень
Для чьей-то разудалой свадьбы...

* * *

Ходят, рыщут по помойкам,
И не знают, как прожить,
Терпят, переносят стойко
Жизнь унылую бомжи.
Где остались их квартиры?
В планах ветхого жилья,
На Седова иль на Мира,
В махинациях жулья?
Выгнали родные дети
Из квартир своих, как хлам.
Или угодили в сети
Проходимцам — господам.

Разбросав вокруг отбросы,
Ищут обувь или хлеб.
Им найти б себе обноски,
И пожить хотя б в тепле.
В жизни все у них отняли —
И достоинство, и дом.
Жить бы где-нибудь в подвале
И чуть-чуть забыться сном.
Может, семьи им приснятся,
Но зови их — не зови...
Души их хотят умчаться
В мир свободы и любви.

Павел Рославский
(г. Москва)

Родился и живет в Москве. Имеет высшее образование в области строительства. Работал архитектором-реставратором, дизайнером. В настоящее время занимается дизайном. Пишет стихи и малую прозу. Авторский сайт: <https://roslavsky.ru>

ЖИЗНЬ В ТЕНИ

В темноте так легко обмануться,
Полагая, что вам по пути,
Не заметив руки, промахнуться,
Напрягаясь, на голос идти.

В темноте так легко обмануться,
Полагая, что вам по пути,
И легонько руками коснуться,
Той руки, что лежит на груди.

ДАР

«Проявляется сюжет
Белый в черную полоску»,—
Ты тогда дала совет,
Разгадав мне жизнь по воску.

Несмотря на тень вокруг,
Говорила: «Дар от Бога,
Опиши мне свой недуг,
И, поверь, спасу любого».

Обещала деньги, власть,
Но сама — в грязи в подвале,
В нищете бы не пропасть,
Только платишь зазывале.

Я ушел под крик вослед:
«Будешь мучиться в сомненьях,
Проклят будешь на сто лет
И вернешься за прощеньем!».

Ольга Андреева
(г. Ростов-на-Дону)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андреева Ольга родилась на юге Украины. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковалась в альманахах и журналах. Лауреат конкурса «45-я параллель» в 2013 и 2015 году. Дипломант Тютчевского конкурса 2013 года. Финалист Прокошинской премии в 2014 году. По профессии инженер-строитель. Занимается проектированием автомобильных дорог.

* * *

Кто так коротко выстриг газоны?
жалкий ежик трехдневной щетины
на ветру, виновато-зеленый,
схвачен инеем. Рву паутину,
никого и ни в чем не неволю —
даже можете зубы не чистить,
не иду в поводу у тревоги —
хватит поводов, только причины.

Время нежных цветов отпылало —
терпкий, пряный горчит палисадник,
желтый, синий, и жесткие стебли
не согнут непокорные шеи.
Мост уходит трехмерным лекалом
к горизонту, бесстрастным глиссандо
резкий ветер акации треплет —
так позволь себе все, что умеешь.

Мы так редко себя отпускаем
полетать над прощенной землею,
но на то и октябрь. Суетимся,
все надеемся — может, успеем.
Но молитвенник на аналое,
и гроза где-то ходит по краю,
обессилен. Прощаются птицы,
и уже распевается певчий.

Каждый лист подержать на ладони —
будто карты лежат вверх рубашкой,

будто ждешь там увидеть такое,
чего не было сроду в колоде.
Но с улыбкой фальшиво-парящей,
как ворона над аэродромом,
мне предложат — коньяк или кофе,
стылый чай, разговор о погоде.

Лишь октябрь — он не может иначе —
мокрой подписью, синей печатью
заверяет в туманах творожных
наше право на вдох и на выдох,
и в объятиях сумерек прячет
суеверно иные объятия —
в лицах дождь и листва, невозможность
быть друг другом — исчезнуть из виду.

* * *

Зимы — как не было. Наверно, страшный сон,
чистилище из пуганой подкорки.
Очнулся мир — истрепанный, босой,
прозрачный. Горький, взрослый, непокорный...
В весну — без проводов и тормозов.
Глаза огромны и остры ресницы.
Так трудно начинать с ее азов.
«Я видел все» — на бледных тонких лицах.

«Что видел ты — забудь, забудь, забудь...» —
ласкает луч, щекочет — «мы играем».
Фантомный след оставила на лбу
беда неровным воспаленным краем.
И нас слегка качает от зимы,
и лес ослаб, он на ветру бледнеет,
но дышит мартом. Первобытной тьмы
полны озера, побережья немые.

Сбежать ли от того, что наяву,
к тому, что — истина? Несложное задание.
Я заварю волшебную траву
и в щелку подгляжу за мирозданьем.
Но там — все то же. Путаный прогноз
о том, что доллар дорожает к йене.
А значит, хватит грызть граниты грез
и заниматься йогой сновидений.

Ты помнишь эту церковь на холме?
Ты помнишь — возносилась и парила
в лучах и в молниях? Но, выйдя к ней во тьме,
не допусти дешевой эйфории.
Весна влечет сверх всяких вер и мер,
и назовет ее всяк сущий в мире мистик,

и, площадью в квадратный сантиметр —
живой детеныш, виноградный листик.

* * *

*Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.*
А. Ахматова.

Я родилась в игрушечном раю.
Порой он, правда, притворялся адом.
Там в голову беспечную мою
назойливо ввинтилось слово «надо»,
такое инородное. Реки
изгибы в балке прятались без счета,
казались высоки и далеки
цветные двухэтажные «хрущевки».

Я родилась поддерживать очаг
и Золушкой копать в мелочах,
учиться чечевицу от гороха
хотя бы понаслышке отличать.
И да минует случай страховой
лоскутный свет — и ласковый, и ладный,
где с миром был надежный уговор
у детства — в каждой клеточке тетрадной.

Рука слегка в чернилах — это я
теряюсь от сложнейшего вопроса —
какого цвета спинка воробья?
И бантики в горошек держат косы.

Тут раньше было дерево. Оно
пило корнями, возносилось в небо,
лиственной светило и цвело весной,
в ликующей головке был и небыль
сплетая в пряди, дождевой водой
промытые, змеилось сквозь тетрадки.
Теперь тут только крыши чередой
и дымоходы в шахматном порядке.

Мы гаснем долго, искрами во тьме —
вдруг занявшись и описав кривую,
немыслимую, сложную — взамен
луча, стрелы, мы проживаем все
и неумело... Но горим пока.
Как только отпущу свое начало —
я стану тенью в роговых очках,
как все, кто больше свет не излучает.

* * *

Пока не чудо, рукотворно —
как из лучей собрать звезду,
из кирпичей огнеупорных —
очаг, из блоков — виадук,

набросок вечности несмелый —
пока не спорится, плывет.
Папье-маше. Рисунок мелом.
И едок дым. И ломок лед.

Так много гредишь о свободе —
брось. На крыло — и вот летим.
Галлюцинации мелодий —
примета верного пути.

Полынный воздух электричек,
плетенье скошенной стерни.
У этой канители птичьей
есть тоже скомканные дни,

но ведь — летят. Покинуть Гамельн,
пока не вырастешь большой,
своими нежными мозгами,
своей стерильною душой.

ЛАСТОЧКЕ

Твой мир огромней моего,
стремительнее, необычней,
не зная слов — куда его
ты воплощаешь духом птичьим?
Не зная музыки — во что
ты проливаешь слезы, как ты
не задохнешься красотой,
ее простым и дерзким фактом?

Андрей Линник
(г. Харьков, Украина)

Родился в 1970 году в Харькове. Окончил Богословско-педагогические курсы при Харьковской духовной семинарии. Член Межрегионального союза писателей, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Союза русских писателей Восточного Крыма, литобъединения авторов Донбасса «Стражи весны», Международного клуба православных литераторов «Омилия». Лауреат многих поэтических конкурсов. Автор книг «В начале пути» (Харьков, 2014), «Катарсис» (Харьков, 2017) и свыше 800 публикаций в периодических изданиях, сборниках и альманахах. В поэзии наиболее лаконичной и гармоничной формой считает сонет.

* * *

Дождик легкий осенний, как прописью беглой тетрадь,
Расчертил небо города в розово-серых просветах.
Я забыл дома зонт. И, от дождика силясь сбежать,
В переулках кружил, на окраине, видимо, где-то.
Извивался причудливо узких дорог лабиринт,
И старинных домов окна шурились подслеповато.
Ключья дымки белесой, как будто разорванный бинт,
Чуть заметно дрожали под сводами крыш угловатых.
Позапрошлого века здесь дух архаичный царил.
Может, время замедлило бег свой, а может быть, осень
Наиграла мотив этот, чтобы не слишком грустил.
Похоронным бюро под названием «Милости просим»
Жизнь порой обернется. Таинственный замкнутый круг.
Мегаполиса плен. Мегамаркеты, многоэтажки...
Урбанизма оковы. В унынье впадаешь. Но вдруг,
Чтоб совсем не «прокис», от судьбы получаешь поблажки.
И поддержка приходит, в туннеле виднеется свет.
Вот такая окраина, этот пейзаж архаичный...
И душой чуть оттаешь, и, светом незримым согрет,
Вдруг поймешь и поверишь, что есть где-то мир гармоничный.

МОНОЛОГ СОВЕСТИ

В путь последний идти, за душой ничего не имея,
Нелегко будет очень, коль в жизни своей, как Емеля
На печи, ожидал, что «по шучьему будет веленью».
Разве слушал меня, сделал что-нибудь сам для спасенья?

Я кричала тебе, достучаться до сердца пытаюсь,
Но грешил ты с лукавством и думал: «А, после покаюсь...».
Только будет ли «после»? Свой век человеку неведом.
Так не трать это время, в мирских соревнуйся победах.

Побеждай свои страсти, борись! Не живи успокоясь.
Ты, наверно, забыл обо мне? А ведь я — твоя Совесть.

НОСТАЛЬГИЯ ЗИМНЕГО СНА

Сонет

Как будто в мед, увязли в бурый снег
Деревьев придорожных вереницы.
Над трассою поземка чуть клубится,
А в небе — солнца золотой ковчег.

Из города промерзшего побег
Автобус совершил — и лихо мчится.
А за окном мелькают сел границы.
И время будто замедляет бег.

И голова склоняется на грудь,
И веки тяжелеют незаметно...
Становится картинка многоцветной.

Я вижу то, что больше не вернуть:
Такой же путь, и зимний день прекрасный,
Но в той стране, погубленной напрасно.

ХВАЛА ВЕСНЕ!

Сонет

День ослепителен. Бежит по лужам Март —
Беспечный сорванец, от счастья ошалелый.
И формулы Зимы, начерченные мелом,
Он лихо стер с доски — мальчишеский азарт.

И неожиданно, как выстрелы петард,
Пробьются почки на деревьях обомлелых.
И юноша Апрель войдет походкой смелой,
Разложит чинно Май пасьянс зеленых карт.

Пока не включена еще духовка Лета,
Пустите в серость душ лучи любви и света!
Весне слагаю песнь, хоть миллионы раз

Всеоживляющая, дивная воспета.
Но ликование пусть живет в строке сонета.
Хвала тебе, Весна, сегодня и сейчас!

КАТАРСИС

Сонет

Медвяный цвет июльского заката,
И вязкий зной, струящийся устало.
Весь день светило жарко припадало,
А ныне — стало долькою цуката.

Когда же ливня прозвучит токката?
«Вода — животворящее начало,
Сойди с небес, — земля в бреду стонала,—
Пусть грянут грома щедрые раскаты!»

Нисходит ночь, и, словно зову внемя,
Раскосый ливень орошает землю.
Гроза приносит радость очищенья,

Шагая тяжелой поступью надмирной.
Так и душа: грехами пусть томима,
Ей покаянье даст освобожденье.

ВНОВЬ ПРИШЛИ «ОКАЯННЫЕ ДНИ»

Сонет

Не стремился я сделать карьеру,
Чужд мне с детства помпезности шум.
Вот работаю нынче курьером —
На горбу бандероли ношу.

Был рожден я в советскую эру.
Да, «цепляли на уши лапшу»...
А теперь весь «в лапше», словно шут.
В море лжи не утратить бы веру!

Бунин прав — «окаянные дни».
И сейчас вновь настали они!
Порожденья ехидны во власти.

Кто отец всякой лжи — знаю я.
Не сломаться бы лишь, устоять...
И Господь отведет все напасти.

КТО СПАСЕТСЯ?

Сонет

Ларисе Ефремовой

Склоняю голову пред таинством весны
И радуюсь Господнему творенью.
Любуюсь расцветающей сиренью.
И в прошлое ушли зимы седые сны.

И чудится уже: на свете нет войны,
Болезни нет, предсмертного томленья
И смерти нет, а есть преображенье,
Где будем праведниками мы сопричтены.

Но так лишь кажется в денек погожий,
Наш мир земной с небесным так несхожи.
Лишь тот обрящет Рай, кто много возлюбил.

И мне дано понять в скорбей юдоли:
Спасется тот, кто жил по Божьей воле,
Кто веровал, терпел и Заповеди чтил.

* * *

Не чудо ль Божье каждая весна?
Мир обновляется, мир расцветает снова.
О чем-то с дубом шепчется сосна,
И гладь небес так светло-бирюзова.

В лесу сошел последний рыхлый снег,
Подснежников синеют ярко звезды.
И юных ветров над полями бег...
Поверь в Творца! Поверь, пока не поздно.

* * *

А я живу и радуюсь весне
И месяцу любимейшему — маю.
Еще совсем недавно падал снег,
И вот уже каштаны расцветают.

А я живу и радуюсь весне!
И о весне свои слагаю песни.
Наверно, в сердце обручился с ней,
Так утомившись от худых известий.

Душа болит, что ненавидят Русь,
Что правят бал нацисты в Украине...
Но — вновь весна! Спасителю молюсь:
«Благодарю!

Прости!..
И не отрини»...

* * *

Цветущий абрикос усыпан снегом весь —
Апрельский снегопад бывает раз в столетье.
Такою принесла нерадостную весть
Весна-печальница. И как не сожалеть ей
О том, что уходит холодная сестра
Не хочет, не спешит и не сдает позиций,
И снегопадом этим нагоняет страх,
И время повернуть и вспять пустить грозитя.

Александр Тихонов
(г. Омск)

**«Я РАСПАХНУЛ
РАССВЕТНОЕ ОКНО...»**

Родился в п. Большеречье Омской области. Живет в г. Омске. Стихотворения и проза публиковались в журналах «Наши современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия» и др. Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014), фантастических романов «Охота на зверя» (М, 2016) и «Синдром героя» (М, 2017), соавтор научно-популярной книги «Сила Сибири. История Омского края» (Омск, 2016). Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2015), региональной литературной премии им. Ф. М. Достоевского (Омск, 2015).

* * *

Время спрессовано. Время становится мной.
Лязгнув засовами, дверь отпирает Всевышний.
Я — настоящее. Холод гудит за спиной.
Холод вселенский, космический. Страшный и лишний.

В будущем тоже сквозят над планетой ветра.
Скрыто грядущее. Мне не добраться до сути.
Время спрессовано. В сердце вжимается страх.
Можно бояться, за это никто не осудит...

«Было и не было», «будет — не будет» — потом
Стану гадать, повзрослев и печалюсь все чаще.
Год девяностый, р.п. Большеречье, роддом.
Мир познаю и живу сам собой — настоящим.

* * *

Не касался младенец молочных грудей,
Но, казалось, что это — ненужная малость.
У соседей ни внуков теперь, ни детей.
Только старость осталась.

Поправляют очки. Часто смотрят в окно.
В продуктовый спускаются. Быта — избыток.
Все испытано было, что в жизни дано.
Все затерто, избито.

В полутемной квартире сердца их стучат
В ожиданье, что завтра рассвета не будет.
Лишь порой голоса не рожденных внучат
Среди ночи их будят.

* * *

За омуля копченого и только,
За рюмку водки, за глоток вина,
Бродячий музыкант, хрипатый Колька
Готов любую песню «сбацать» нам.

На продувном байкальском сквозняке,
Лицом помятым обратясь к прибою,
Чужие песни пел — и стал никем.
Чужие вина пил и брал с собою.

Давай скитальца пригласим за стол,
Чтоб музыкант вдруг начал улыбаться,
И, отстранив стакан — какой в нем толк? —
Вдруг предложил: «Свое вам, что ли, сбацать?».

* * *

В позабытом селе, где дворов — как зубов у старухи,
Бьется ветер в оконца пустой, обветшалой избы.
Этот ветер — солдат. Он кричит: «Неужели, все глухи!».
Только боль возвращенья ему никогда не избыть...

«Я вернулся. Вер-нул-ся! Ты слышишь? Ну, где же ты, мама?».
Но лишь пыльные, мутные стекла в ответ дребезжат.
А окно, как крестом, перехвачено сгнившею рамой,
И в молчанье глухом остается скитаться душа.

Будет ветер парить над домами и узкой тропею,
Удаляться в тайгу, для себя утешенье ища.
Ведь вернулся домой, смерть поправ, из последнего боя,
Потому, что он маме вернуться домой обещал.

* * *

1

Под плоским небом цвета хромакея
В пустом пространстве мечется душа.
А за окном распластана «Икея»,
А за другим — какой-нибудь «Ашан».

Трещит трамвай как старая дрезина,
Замученный до скрипа в тормозах.
А за окном мелькают магазины
Так часто, что уже рябит в глазах...

Я вновь и вновь читаю заголовки,
И мысли друг от друга устают.
Пройдусь пешком, усталый и неловкий,
Всей кожей ощущая неуют.

Лишь на ветру рекламная растяжка
Трепещет как надежда впереди.
«Все иллюзорно,— прочитаю тяжко,—
Есть только небо... Покупай в кредит».

2

За окраинным кладбищем — новенький спальный район.
Чтоб доехать до центра, за час до рассвета встаем.
Дышит гарью завод в слюдяное оконце мое.
Вечный город не спит и окраинам спать не дает.
И живые завидуют мертвым, лежащим вблизи.
И в тягучем безверье библейское что-то сквозит.
А у стен новостроек, из грунта пробившись едва,
Рвутся к небу цветы. Почему-то все время их два...

Нет же, стой! Погоди... Не части, я тебе расскажу,
Как, проснувшись среди ночи, по комнате долго хожу.
Я живу в самом центре, встаю без пятнадцати семь,
И завидовать мертвым не тянет. Не тянет совсем.
Но порой снится разное. В доме напротив окно
Вдруг зажглось. Может, там также крутят немое кино
И сосед просыпается, щурясь на свет ночника.
А района за кладбищем нет даже в планах пока.

3

В безликом шалмане, глотая противный напиток
(на ценнике значится «кофе», но это вранье),
Гляжу, как снаружи бредут, изнуренные бытом,
Промокшие люди и стадо «Газелей» снует.

Грохочут машины. Хохочут, вбегая, под крышу
Подростки, для коих все в жизни — беда не беда.
Они рассуждают, что «сталк», мол, сегодня не вышел,
О «баттлах» на «Версусе»... и о любви иногда.

И что вдруг разнылся, как мяч утопившая Таня?!
Я зонт отряхну и по лужам направлюсь к тебе.
Сквозь нудную морось, с дымящимся кофе в стакане
И буду тепло улыбаться всем встречным в толпе.

* * *

Я иду расставаться с тобой.
С неба сыплет противная морось.

Кто сказал, что мы сшиты судьбой
И отныне не выживем порознь?

Кто сказал, мол, уступки нужны,
Чтоб самим не распасться на части?..
Как мы были чисты и нежны,
Как хотелось нам общего счастья!

Старый чайник кипел на плите.
Стопки книг, запах кофе и пыли.
Дождь хлестал за окном, снег летел...
Боже мой, как мы счастливы были.

Кто сказал, что мы сшиты судьбой?
Я сказал. Не боюсь повториться.
Вроде, шел расставаться с тобой.
Оказалось — мириться.

* * *

Казалось, юность поросла быльем,
Но жажда чуда все куда-то манит.
С утра соседка вешает белье
И простыни — как паруса в тумане...

Усталости и лени вопреки
Гляжу в окно, в котором плещет лето.
Вновь умоляю: память, береги
Мальчишеское ощущение это.

Я не хочу быть нудным ворчуном,
Размениваясь на дела и вещи.
Я распахну рассветное окно,
А там, в тумане,— паруса трепещут!

